

Велимир ХЛЕБНИКОВ**«Передо мной варился вар...»**

Передо мной варился вар
В котле для жаренья быка.
Десять молодых чертенят
Когтями и языками усердно раздували жар,
И накалились докрасна котла бока.
Струи, когда они кипят, они звенят.
Они советовались, как заговорщики:
«Вот здесь жар в углях потолка!»
Совы с криком подымались в потолок,
Кипел горящий пар и огненные рождал цветки.
Божественный повар
Готовился из меня сотворить битки.
Он за плечо меня взял, и его мышцы были здоровы.
Готовясь в печь меня швырнуть,
Сладкоголосого в земные дни поверг в кипящую смолою глубь.
Я умолял его вернуть
К реке Сладим, текущей
Мимо с цветами и птицами кущи,
Но он отвечал сурово:
— О, блудодей словес, ответствуй, что делал ты
на трижды обвернутой моим крылом земле?
— Что делал, что знал ты?
Он трепетать меня заставил, как эста балты.
И, трепеща и коснея, в мышцах его рук себя ощущал,
как камень в дубовом зажатый комле.
Я отвечал: «Моя муза больше промышляла извозом
Из запада скитальцев на восток,
И ее никто не изобличил в почтенном занятии вора.
Впрочем, она иногда не боялась навозом
Теплым запачкать одеяния бедный цветок

Или низ платья, мимо скотного прохода двора» .
Тут тощий и скаредный лик
Высунулся из-за плеча и что-то шептал,
И его длинный язык
По небу нёба прилежной птицею летал,
И он головой качал, суров.
— Ты прав, — сказал он, наконец.
О, поэт, поэт, забудь луга, коров
И друга нашего прими венец!
Но ведь это прелесть! —
Заметил Вячеслав.
— И в этом челюсть
Каких-то старых страшных глав.
Я заметил в этом глаз...
Не правда ли, она прекрасно улеглась
Красивостью небесных струй,
Которых ждет воздушный поцелуй?
— Да. Я тоже нахожу, —
Лениво молвил Амизук.
— Я, может быть, не так сужу,
И, может, глупость, что я скажу,
Но только мне кажется, что понравилось. Очень.
Он вдруг покраснел и был, казалось, сильно озабочен.
Другие сидели молча, не издав ни звука.
— Скажите, вы где изволили вкусить блага наук?
— Паук?
— Ах, нет... наук.
Писатель, который уже сменил надежды на одежды
Всеобщего уважения и почета,
Заслуженной пользуясь славой звездочета,
Которому не закрыты никакие двери спален,
Сидел, и томен, и печален,
Одной рукой держась за локоть,
Набитый мышьяком,
И сквозь общий хохот
Он был один, казалось, не рад обмолвке с пауком.
А впрочем, он был наедине с последними «Весами».
Младой поэт с торчащими усами,
Который в Африке
Видел изысканно пробегающих жираф к реке,
К нему подошел и делал пальцами, как пробегает по стене паук,
Тем вызывая неземных отображение на лице страдальца мук.
Писатель скорбно-печально расхохотался,

Но тот, кто в Африке скитался,
Его не покидал
И тем заставил скрыться под софу.
Меж тем, там кто-то, как Дэдал,
Перелетал на милый всем Корфу.
То видя, неземной улыбкой улыбаясь, ясница
Взирала голубыми очами.
О, кто б умел сказать, что <ей> снится
Ночами?
Поэт, поклонник жираф,
Взирал и важен, и самодоволен.
Он не любил отрав
И бегством пленника доволен.
Свой взор струит, как снисходительный указ,
Смотрящий сверху Вячеслав.
Он любит шалости проказ,
От мудрой сухости устав.
С буйством хмеля в глазах
Освобожденного от уз невольника
Кто-то всечеловеческий вплетает страх
В немного странную игру природы: треугольник,
Которого катеты, сроки и длина
Чудесно связаны с последних дней всего забвением.
Столовая немного удивлена
Внезапным среди лозы и кудрей откровением.
И укрощают буйство быстрое речей,
Но оно клокочет, как весной ручей.
Амизук прилег болванчиком
На голубом диванчике.
Он в красной рубашке,
И мысли ползают по его глазам, как по стеклу букашки.
Он удивлен речей началом,
И мысли унесены его на одиннадцатую версту,
Где лен прикреплен мочалом
К шесту.
— А вы? у вас есть что-нибудь? Вы прочтете? —
Обращаются к тому, кто все думает, все думает о богатой тете,
О, золотой презренный прах,
К сидящему на кресле в черных воротничках, —
Так что его можно было принять за араба, — о, мысли скачки,
Если б цвет предков переходил на воротнички.
— Я? Я с удовольствием. Он подымается и гордо
С осанкой важной лорда

Читает: «России нет, не стало больше,
Ее раздел рассек, как Польшу».
Или: «Среди людей мне делать нечего,
Среди зверей я буду вечером».
Или: «Куда ходил я мед пить жизни
И высокомерным быть к богам.
О, тризны, тризны
Умершим врагам».
— Очень мило, — изрекают. Блестят доверчиво глаза,
А там, скача и спотыкаясь, по ладам скачет бирюза.
— Очень мило. Вы очень удачно похитили у раешников меру.
Глаза сказавшего с лукавством устремлены на Веру
Константиновну Иванову-Шварсалон.
С окошка
Кошка
Смотрела на салон.
И бьют часы уж два.
К столу собираются гости едва,
Гостей власоноша не дозвется.
И уселись за стол, как полководцы,
Ученики военных училищ,
У них отсутствуют мечи лишь.
— Что? что? еще мальчики! Они не знают, во сколько
обходится, —
Был рассержен толстяк сутулый.
И вот из божницы сходит Богородица
И становится тихо за стулом.
И когда заговорили о человеке и вере, — тогда
Ее божественные веки дрожали прелестию стыда.
Она скользнула в дверь за Ниссой,
Она спустилась по лестнице вниз и
Она сошла на далекую площадь
И, обняв, осыпала поцелуями в голову лошадь.
Так изливала Богородица свое горе,
А над ней опрокинутое сияло звездное море.

1909

